

THE RUSSIAN SPEECH DURING AN ERA OF CHANGES

Abstract: The author of article considers that change of the principles of the Russian communicative culture is connected to emergence of three problem zones: a deaesthesia of public communicative space, a change of motivation of speech behavior, a modernization of process of communicative norm formation.

Author information:

Natalia Tsvetova

Prof.

Institute of the Higher school of journalism and mass communications,

Saint-Petersburg state University

✉ cvetova@mail.ru

🌐 Russia

Keywords:

speech situation, problem zone, deaesthesia,

modernization, motivation

Речевая ситуация в современном российском публичном пространстве, речевая форма медиакommunikации сегодня исследуются в рамках многих гуманитарных дисциплин, что естественно для российской науки о языке и речи, которая, как констатирует М. Томаселло, «всегда была более широко интегрирована в гуманитарные науки, чем в англоговорящем мире» [5, с. 25]. Актуальность порождаемой этой ситуацией научной проблематики обусловлена несколькими факторами: модернизацией социально-когнитивной и социально-мотивационной базы разных форм коммуникации; умножением коммуникативных каналов; нарушением коммуникативного баланса, в результате которого критически возрастает коммуникативная нагрузка на человека и деформируются коммуникативные ожидания; изменением конвенций, мотивов, структуры публичной речевой деятельности. В свое время многие из этих тенденций и явлений были зафиксированы Ю. В. Рождественским [3], оставившим глубокие размышления по теории эффективной и целесообразной речи развитого информационного общества.

С момента первой публикации монографии Ю. В. Рождественского прошло более двух десятков лет, сегодня можно говорить о том, что созданы основы современной теории речевой деятельности, разрабатывается терминологический аппарат, необходимый для появления научной концепции, посвященной феноменологии коммуникации как особой формы речевой деятельности, призванной преодолеть углубляющийся глобальный кризис общения, который в современном медийном пространстве пока пытаются нейтрализовать, прежде всего, с помощью симулирующих общение разнообразных интерактивных акций, превращением публичной коммуникации в шоу, институциональной характеристикой которого становится зрелищность.

Благие результаты сложившейся ситуации для национальных языков-реципиентов осмыслены. Во-первых, расширение коммуникативного пространства (Ю. Е. Прохоров). Во-вторых, обогащение лексической системы русского языка. За последние десятилетия русский язык принял группу иноязычных слов-англицизмов терминологического типа (терминов и специальных жаргонизмов). Протестовать против использования этих слов в разных коммуникативных ситуациях бессмысленно: национальный язык, лексический запас которого находится в замершем состоянии, уже не сможет обслуживать производственную сферу, сферу высоких технологий.

Но анализ результатов многолетнего мониторинга функционирования русского языка в российском медиапространстве, представленных в многочисленных публикациях сотрудников кафедры медиалингвистики Санкт-Петербургского государственного университета, позволяет утверждать, что вне поля зрения исследователей остаются три проблемных зоны осуществляемой в той или иной форме речевой коммуникации.

Первая зона связана с процессом деэстетизации речевой коммуникации, разрушающим традиционную ориентированность русской коммуникативной культуры на

древнегреческий риторический канон. Сегодня, например, самую успешную по критерию продолжительности политическую карьеру лидера ЛДПР В. Жириновского можно принять как свидетельство того, что ключевые аксиомы классической риторики безнадежно устарели. При этом агрессивную речевую манеру В. Жириновского, его концентрацию на манипулятивных речевых техниках и средствах нельзя считать уникальной или исключительной.

Другая возможность объяснения феномена деэстетизации современной речевой коммуникации связана с признанием естественного и необходимого изменения представления о прекрасном речевом поведении, об исчезновении методологической ясности эстетической позиции Аристотеля, определившего основные требования к принципам, законам, к форме речевой коммуникации. В этой связи вспоминается «синдром Передонова» из романа Ф. Сологуба «Мелкий бес». Незабвенный господин Передонов любил во время еды «пакостить стены» – «пусть помнят» [4, с. 29]. Литературный герой Серебряного века производил и оправдывал несоотнесимые с существовавшими представлениями о прекрасном манипуляции, находя их вполне эстетичными.

Вообще тема эволюции эстетических принципов чрезвычайно интересна и значительна уже и в современной медиалингвистике, в теории массмедиа в русле практической эстетики и должна стать предметом отдельного разговора.

Вторая проблемная зона связана с модернизацией процесса формирования **речевых и коммуникативных норм**. Эволюция этого процесса с наибольшей очевидностью проявляется в изменении системы зависимостей и состава группы наиболее влиятельных персон.

Основанием для формирования национального речевого кода всегда считали национальный риторический идеал, предопределяющий основные принципы и правила коммуникации, принятые тем или иным этносом в качестве ключевых. Как показывал анализ медийного материала, национальный речевой код регулирует использование топики, транслирующей важнейшие психоментальные характеристики этноса; речевых средств, используемых для описания «этнохронотопа»; речевых средств, способных транслировать национальную аксиологию; речевых средств, выражающих национальную специфику образной системы; системы прецедентных феноменов, представляющих в медиадискурсе национальную культуру в синхронии и диахронии; этикетных формул, стереотипов, связанных с мирозерцанием народа; паравербальных коммуникативных средств – в устной форме коммуникации – жестов, мимики, телодвижений; в письменной – средств креолизации текста [1, с. 252–253]. Нормализаторскую деятельность по отношению к национальному речевому коду в XX столетии осуществляли лингвисты. В 1990-е годы эта деятельность, как минимум, была приостановлена, о чем писал Ю. В. Рождественский [3, с. 83]. С изменением социального контекста восстановления хорошо отлаженного за предшествующие десятилетия механизма и авторитета ответственных филологических институтов не произошло, как следствие, деформация обусловленности речевой, коммуникативной нормы только усугубляется.

Особенно ярко характеризуют деформацию речевой ситуации изменения, происходящие в самом консервативном научном дискурсе, который всегда сознательно и целенаправленно поддерживался профессиональным сообществом. В современном научном дискурсе речевая мода провоцирует не только экспансию иноязычного слова, приводящую к провинциализации официальной, публичной коммуникации в научном дискурсе. Если бы дело было только в провинциальном пристрастии составителей программ научных форумов к «кофе-брэйкам», которое можно определить исконно русским синонимом «моды», существительным «поветрие», которое когда-то словарями толковалось как «эпидемическое заболевание»! Процесс речевого взаимодействия в границах *кофе-брэйков* становится все более агрессивным. Современный участник публичной научной дискуссии, выведенной в медиапространство, нацелен не на поиск истины, а на самопрезентацию на фоне дискредитации оппонента.

И третья проблемная зона – изменение **мотивации речевого поведения**. Еще несколько лет назад в качестве мотиваторов речевой культуры выступали школа, пропагандировавшая высокое искусство слова, средства массовой информации – радио и телевидение. Сегодня редакторам телеканалов несть числа, многие из них устанавливают свои, оригинальные коммуникативные принципы. Предполагаем, что каждый из профессионалов речи сталкивался с такого рода редакторским произволом. Так, наши выпускники, сотрудники одного из новых петербургских телеканалов мотивируют использование предлога «*порядка*» настоятельными рекомендациями главного редактора, провозгласившего такое словоупотребление «*фирменным знаком журналистской речи*».

Как можно к существованию перечисленных проблемных зон относиться? Как воспринимать всеобщую перепалку, в которую превратилась публичная коммуникация,

массовая коммуникация в медиа? Можно впасть в трагическое ожидание наступления языкового хаоса, смирившись с неизбежностью происходящих процессов. Но есть позиция, о которой писал в безнадежные 1990-е Б. Ю. Норман, считавший, что наша задача обратить внимание мольеровского господина Журдена на то, что он уже давно говорит прозой [4, с. 170], т. е. попытаться заставить его взглянуть на себя со стороны. Думается, задача осталась прежней. Кто-то должен хотя бы попытаться объяснить, например, поклонникам Д. Нагиева, что изменение коммуникативного стиля не исчерпывается использованием модного ныне обращения «Дамы и господа!».

Хотя, подводя итог, все-таки пока еще можно сказать, что, несмотря на сложность современной речевой ситуации, как сказал на одном из последних собраний РОПРЯЛ в Санкт-Петербурге известный историк Ю. Пивоваров, русский язык – все еще остается «конкурентно-способным явлением в современной жизни России».

References:

1. Duskaeva L. R., Cvetova N. S. (2013) *Stilisticheskij oblik mononacionalnogo periodicheskogo izdaniya* / Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Vostokovedenie. Seriya 9. Vyp.3. S. 252–259.
2. Norman B. Yu. (2004) *Lingvistika kazhdogo dnya*. M.: Biznes-Yunitek, 172 s.
3. Rozhdestvenskij Yu.V. (2005) *Principy sovremennoj ritoriki*. M.: Flinta-Nauka, 176 s.
4. Sologub F. Svet i teni. (1988) *Izbrannaya proza*. Minsk: Mastackaya literatura, 380 s.
5. Tomasello M. (2011) *Istoki chelovecheskogo obshcheniya*. Perevod s angl. Nauchnyj redaktor T. V. Akutina. M.: Yazyki slavyanskih kultur, 328 s.